

епархія которого, благодаря близости къ Кіеву и Смоленску, осталась православной, тогда какъ Львовская, Переяславльская и Луцкая, доживши до XVIII в., сдѣлались уніатскими. Но любопытнѣй титулъ Серапіона Полховскаго, поставленнаго въ 1697 г. и управлявшаго Бѣлорусской или Могилевской епархией до февраля 1704 г. Онъ именовался епископомъ могилевскимъ, намѣстникомъ митрополіи Кіевской и экзаршеской святѣйшаго трона константинопольскаго. Такой титулъ, кажется не имѣлъ практическаго значенія. Могилевскіе владыки, жившіе и дѣйствовавшіе въ польскихъ бѣлорусскихъ областяхъ, стояли въ самыхъ близайшихъ отношеніяхъ не только къ Кіеву, но и въ Москвѣ. Преемникъ Полховскаго поставленъ былъ въ Кіевѣ; Арсеній Берло въ 1731 г. сносился съ Москвой, жалуясь Св. Синоду на обиды и притѣсненія уніатовъ православнымъ людямъ греко-восточного исповѣданія. Не получивъ привилегіи отъ польскихъ королей, онъ перешелъ въ Переяславль, гдѣ и умеръ. Его преемникъ Іосифъ IV Волчанскій (съ 1734 г.) нѣсколько разъ жаловался Св. Синоду на притѣсненія уніатовъ. Подобныя жалобы были обычнымъ явленіемъ. Дѣло въ томъ, что положеніе бѣлорусскихъ православныхъ архіереевъ и народа, жившихъ рядомъ съ фанатичными полоцкими уніатскими архієпископами, занимавшими обыкновенно уніатскую митрополичью каѳедру, съ каждымъ годомъ ухудшалось¹⁾. Тамошніе православные легче вздохнули при Екатеринѣ II.

Итакъ, на всей території Литовско-Кіевской митрополіи, въ половинѣ XV в. отдѣлившейся отъ Московской, чрезъ два съ половиною вѣка тяжелой и смутной исторіи западно-русской и малороссійской церкви изъ 9 православныхъ епархій встрѣтили XVIII в., только Кіевская и Черниговская, не счи-тая Смоленской. Но ни одна изъ нихъ не имѣла непрерывнаго ряда іерарховъ. Переяславская, закрытая при нашествіи татаръ, съ XVIII в. можетъ считать дни своей новой жизни подъ властью Москвы; черниговская каѳедра, остававшаяся безъ архіерея полтораста лѣтъ, въ началѣ XVIII в. могла насчитать только 50 лѣтъ своего вторичнаго существованія. Могилевская или Бѣлорусская епіскопія замѣнила собой Полоцкую. Она успѣла прожить около 80 лѣтъ. Но жизнь ея была тяжела, а іерархія непостоянна.

ГЛАВА III.

Сибирская церковь.

I. Знакомство русскихъ съ Сибирью до Ермака Тимофеевича. Завоеваніе ея Ермакомъ (1584 г.). Расширение русскихъ владѣній въ Сибири и русская колонизация; основаніе городовъ и колонизационное распространеніе христіанства въ Сибири съ постройкой церквей и монастырей до 1620 г. Епархиальная подвѣдомственность Сибирской церкви до учрежденія особой епархіи. Учрежденіе епархіи (1620 г.) и архіепископъ Кипріанъ. Его управление. Территорія епархіи.

II. Колонизация Сибири послѣ учрежденія епархіи; постройка церквей и предѣлы Сибирской епархіи къ концу XVII в. Религиозно-нравственное состояніе членовъ Сибирской церкви. Правительственные заботы объ улучшении церковной жизни. Проекты объ открытии новыхъ епархій въ Сибири на соборахъ 1667 и 1681—1682 годовъ. Сибирская епархія послѣ 1682 г. Православіе въ Китаѣ и начало пекинской миссіи. Недостатки епархиального управления. Трудность одному архієрею завѣдывать всей Сибирью и Сибирской епархіей, раскинувшейся на 300,000 кв. миль.

I. Русские давно знали Сибирь. Лѣтоиси сохранили извѣстія отъ 1096 г. о посольствахъ новгородцевъ за данью чрезъ Печору въ Югру и Самоядъ, находившіяся въ полу-полянскихъ странахъ¹⁾. Впослѣдствіи новгородцы, знакомые съ р. Камой, еще не разъ брали дань съ югорцевъ²⁾. Но выбираніе дани съ западно-сибирскихъ инородцевъ было явленіемъ случайнымъ и обязано смѣльнымъ уѣшуническимъ набѣгамъ предпріимчивыхъ торгашей. Съ паденіемъ новгородской вольности (1478 г.) и возвышениемъ Москвы по слѣдамъ новгородцевъ московские люди пошли въ Сибирь. Они были тамъ въ 1499 и 1501 г. Въ послѣдній походѣ кн. Петръ Феодоровичъ Ушатый перешель югорской камень и чрезъ недѣлю былъ у городка Ляпина (нынѣ мѣстечко въ Березовскомъ уѣздѣ при р. Сигѣ). Городокъ былъ взятъ, съ нимъ взято до 33 другихъ остаточныхъ городковъ, расположенныхъ по нижнему бассейну

¹⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 107.

²⁾ Тамъ же, IV, стр. 17. 49. 57. 64. Хронологическая данныя о походахъ см. также у И. Цеглова «Хронологический перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ Исторіи Сибири».

р. Оби въ Обдорскомъ краѣ. Счастливые побѣдители, торжествующе, съ тысячей плѣнниковъ возвратились въ Москву¹⁾.

Успѣхи кн. Ушатаго внесли въ титулъ московскаго царя земли обдорскую и кондійскую. Вмѣстѣ съ этимъ они могли увеличить сѣверо-восточную русскую государственную территорію до низовьевъ р. Оби и р. Коѣды, впадающей въ Иртышъ²⁾. Расширеніемъ московскихъ владѣній за Камень готовилось прочное господство Москвы въ обширной Сибири. Впрочемъ, въ этой подготовкѣ прошло почти сто лѣтъ. Царь Грозный носилъ титулъ „обдорскаго, кондійскаго и всѣхъ сибирскихъ земель, повелителя сѣверной страны“, или „государя всѣхъ сѣверныхъ береговъ“, даже „всехъ Сибири“. Сибирский ханъ Едигеръ въ 1557—1558 г.г., хотя не съ охотой, заплатилъ ему дань³⁾.

Власть Москвы надъ Сибирью, какъ и давнишнее владычество Новгорода, въ первые годы царствованія Грознаго ограничивалась выборкой дани соболями. О религіозномъ, культурномъ и политическомъ вліяніи Москвы въ Сибири не было рѣчи. Болѣе или менѣе замѣтное просвѣтительное, точнѣе, государственное вліяніе русскаго человѣка въ полуночной тьмѣ полуночной страны начинается послѣ окончательного закрѣпленія Сибири за Русью. Это закрѣпленіе соединено съ именемъ славнаго казака Ермака Тимофеевича. Храбрый атаманъ, омывшій грѣхи своей вольности въ водахъ Иртыша, покорилъ Сибирь, а самъ покорился русскому царю. Волны Иртыша скрыли храбреца съ оружіемъ въ рукахъ, но преведременная гибель казацкаго атамана (1584 г.) открыла русскимъ торную дорогу въ глубь Сибири. Въ 1585 и 1586 г.г. туда отправились московскіе воеводы Мансуровъ, Сукинъ и Чулковъ. Ихъ походами началось ощущительное вліяніе русскихъ въ обширной странѣ. Походный путь завоевателей былъ вмѣстѣ и путемъ русской сибирской колонизаціи, сопровождавшейся постройкой московскихъ городовъ. Какъ вездѣ, такъ и въ Сибири, первые города строились съ стратегической

¹⁾ Г. Ф. Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства. 1750 г. СИБ. кн. I, стр. 60—65.

²⁾ П. Словцовъ. Истор. обозрѣніе Сибири. Кн. I. Москва 1838 г. стр. XVI; Миллеръ Опис. Сиб. Цар., стр. 67.

³⁾ Миллеръ. Опис. Сиб. Цар. 70. 73—74. Ср. 251.

цѣлью въ видѣ крѣпостей. Въ концѣ 1585 г. или началѣ 1586 г. воеводы Сукинъ и Мясной заложили первый русскій городъ Тюмень при р. Турѣ и Тюменкѣ, гдѣ прежде стоялъ городъ Чимги или Чингій. Въ слѣдующемъ 1587 г. воевода Чулковъ при устьѣ р. Тобола въ Иртышъ основалъ другой городъ Тобольскъ. Новый городъ, построенный близъ старой сибирской столицы—г. Сибири, сдѣлался русской сибирской столицей¹⁾. Изъ Тюмени и Тобольска русская колонизація пошла по ближайшимъ рѣкамъ, служившимъ удобными путями сообщенія. Русскіе двинулись и разселились по бассейнамъ р.р. Туры, Пышмы, Исети, Тавды, Тобола, Иртыша съ ихъ притоками. Тогда же или черезъ годъ (1588 г.) на главномъ водномъ трактѣ изъ Европейской Россіи въ Азію построили городъ - пристань Лозву на р. Лозвѣ²⁾. На мѣстѣ старого города Таборъ на Тавдѣ возникъ новый русскій городъ съ тѣмъ же именемъ³⁾. Въ 1593 г. воевода кн. Петръ Горчаковъ построилъ Пелымскій городокъ на устьѣ р. Пелыма, населивъ его ссылыми угличанами, завиненными въ убийствѣ царевича Димитрія Ioannovicha⁴⁾. При Борисѣ Годуновѣ шла оживленная колонизація сѣв.-запад. Сибири и довольно быстрая постройка городовъ. Русскіе двигались по Иртышу. Къ 1593 г. они дошли до Оби. Обская колонизація распространялась по теченію рѣки въ двухъ направленіяхъ—вверхъ и внизъ т. е. на юго-востокъ и сѣверъ. Вверхъ по теченію въ 1593 г. основанъ г. Сургутъ, на 300 верстъ выше устья Иртыша, около устья р. Агана, въ нижнемъ теченіи Березовъ на далекомъ сѣверѣ въ 1065 в. отъ Тобольска, не далеко отъ устья Сосвы на р. Богулѣкѣ, лѣв. притокѣ Сосвы⁵⁾. Въ

¹⁾ Древн. Рос. Вавиліо. III, стр. 107—108 ср. Миллеръ. Опис. Сиб. Цар. стр. 212. Соловьевъ. Ист. Рос. II, VII, 630 стр.

²⁾ Миллеръ. Опис. Сиб. Цар., стр. 220—221. Тогдашній обыкновенный путь въ Сибирь шелъ чрезъ Чердынь, вверхъ по р. Вишерѣ и чрезъ Югорскія (Уральскія) горы на р. Лозву, впадающую въ Тавду; по Тавдѣ онъ спускался внизъ до р. Тобола, а Тоболомъ поднимался на Иртышъ.

³⁾ Тамъ же, стр. 228 ср. 237.

⁴⁾ Древн. Россійс. Вивліо. III стр. 111.

⁵⁾ Миллеръ. Опис. Сиб. Цар., стр. 246, Географ. Словарь П. Семенова, I, 243. Основаніе г. Сургута русскими Миллеръ относитъ къ 1593 г. Другие относятъ къ 1595 г. (Древн. Рос. Вивліо. III, стр. 111). Въ Географ. Словарѣ

слѣдующіе годы южная и сѣверная колонизація по теченію Иртыша и Оби продолжается почти безостановочно. Въ 1594 г. воевода кн. Андрей Елецкій съ служилыми людьми изъ сибирскихъ городовъ и присланными съ нимъ изъ Европейской Россіи казанцами, пермичами и вятчанами построилъ на Иртышѣ при устьѣ р. Тары г. Тару. Въ 1595 г. на притокѣ Оби р. Полубѣ въ 6 верстахъ отъ Оби и на 290 вер. сѣвернѣе Березова, вмѣсто остицкаго городка, построенъ русскій городъ Обдорскъ (нынѣ село Тобол. губ. Берез. уѣзда извѣстное съ именемъ Нозовы или Нозового городка). Въ верхнемъ бассейнѣ Оби выстроены Нарымскій и Кетскій остроги. Послѣдній поставленъ на р. Кети, правомъ притокѣ Оби, бѣрущемъ свое начало недалеко отъ р. Енисея. Этимъ путемъ русскіе скоро добрались до средняго теченія самого Енисея¹⁾.

Собственно енисейская колонизація началась съ сѣвера. Изъ Обдорска русскіе направились къ морю и, двинувшись къ востоку, дошли до береговъ Енисея. Въ 1598 г. воевода Феодоръ Дьяковъ съ цѣловальниками и торговыми людьми по царскому указу отправился въ мангазейскія земли и на Енисей провѣдѣть, кто тамъ проживаетъ и собрать ясакъ. Посланые исполнили порученіе; въ 1600 г. они привезли въ Москву первую дань. Тогда же велѣно въ Мангазеѣ поставить острогъ, чтобы удобнѣе было собирать ясакъ съ тунгузовъ, самоядцевъ и остиakovъ²⁾. Такъ явился городъ Мангазея на р. Тазъ по пути къ берегамъ Енисея. Самаго Енисея русскіе достигли въ 1607 г., поставивъ на устьѣ лѣваго его притока - р. Турухана Туруханскоѳ зимовье³⁾. Одновременно съ енисейской колонизаціей продолжалась обская колонизація.

П. Семенова о Сугрутѣ замѣчено: «на мѣстѣ этого города была остицкая крѣпость, принадлежавшая кн. Пардаку, который былъ побѣженъ въ 1595 г. воеводой Феодоромъ Барятинскимъ при ц. Феодорѣ Иоанновичѣ. При взятіи крѣпости побѣдитель построилъ острогъ и заложилъ городъ, который по близкому къ нему притоку Оби получилъ свое название» (IV, 797).

¹⁾ Древ. Рос. Вивліо. III, стр. 111—112. Миллеръ, Опис. Сиб. Ц. стр. 280. 311. Географ. Стат. Словарь П. Семенова, III, 277, II, 578.

²⁾ Древ. Рос. Вивліо. III, стр. 112. 114—115. Рус. Ист. Бібл. II, № 72.

³⁾ Миллеръ. Опис. Сиб. Цар., стр. 392. Геогр.—стат. Словарь П. Семенова. V, стр. 281. Туруханскоѳ зимовье переименовано въ городъ въ 1662 г. (тамъ же).

Въ 1604 г. покорный сибирскій князь Тоянъ изъ племени уштовъ просилъ царя Бориса Феодоровича Годунова построить русскій городъ въ его волости. Годуновъ согласился. Посланъ указъ тюменскому головѣ Безобразову, чтобы тотъ выслалъ изъ Сургута казацкаго голову Гаврила Писемскаго и боярскаго сына Василія Тыркова ставить городъ въ Сургутскомъ уѣздѣ въ Томской волости на р. Томи. Дѣло не замедлилось. Въ 1604 г. стоялъ уже Томскій острогъ на одномъ изъ верхнихъ правыхъ притоковъ р. Оби¹⁾. Но тутъ русская колонизація остановилась. Ее не надолго задержало смутное время самозванчины. Поэтому верховья Томи заняты были лишь въ 1617 году, когда сынъ боярскій Астафій Харламовъ съ присланными къ нему на помошь татарскимъ головой Осипомъ Кокаревымъ и казачьимъ Молчаномъ Лавровымъ построили Кузнецкій острогъ при устьѣ р. Кондомы²⁾. Въ слѣдующемъ 1618 г. русскіе заняли среднее теченіе Енисея. Первыми туда присланы изъ Тобольска пѣльмскій боярскій сынъ Петръ Албычевъ съ тобольскимъ стрѣлецкимъ сотникомъ черкасомъ Рукинымъ. Имъ велѣно, пріѣхавъ на Енисей, поставить новый острогъ, собирать съ тамошнихъ людей ясакъ и до указа быть приказными. Разумѣется, приказаніе было исполнено³⁾. Явился такимъ образомъ на югѣ податной городъ Енисейскъ, подобно сѣверному Мангазеѣ. Въ 1619 г. по дорогѣ отъ Кетскаго острога и Томска на Енисейскъ построены еще три острожка — на Кети Маковскій, на р. Чулымъ Мелецкій и Бѣльскій⁴⁾.

Московское правительство при поступательномъ движении въ глубь Сибири не оставляло безъ вниманія и давно занятыхъ земель. Оно задалось мыслью найти сухопутную и

¹⁾ Миллеръ. Опис. Сиб. Цар., стр. 392—394. 396.

²⁾ Тамъ же, стр. 420—434. Новый острогъ названъ Кузнецкомъ, потому что прежде это мѣсто принадлежало татарамъ, которыхъ казаки называли кузнецами за то, что они умѣли ковать желѣзо. Городъ заселенъ переселенцами изъ Томска, Верхотурья и Новгорода. (Геогр.—стат. словарь П. Семенова, II, стр. 821).

³⁾ Древ. Рос. Вивліо III, стр. 334.

⁴⁾ П. Словцовъ. Историч. обозр. Сиб. кн. I, стр. 15—17. И. Щегловъ. Хронологический перечень.. стр. 76—77. Топографія Бѣльскаго острожка не известна.

кратчайшую дорогу въ новую страну. Въ 1597 г. сибирскій дорожный вожь Артемка Бабиновъ указалъ такую дорогу. Она шла отъ Соли Камской къ верховьямъ р. Туры. Старый водный путь былъ оставленъ. По новому пути стали строить города. Въ верховьяхъ Туры выстроель (1598 г.) городъ Верхотурье, на старомъ чудскомъ или вогульскомъ городищѣ Неромкара (Неромъ - кура). Въ 1601 г. здѣсь выстроенъ острогъ, гостинный дворъ и таможня для сбора пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ¹⁾.

Съ замѣнной рѣчного тракта сухопутнымъ городъ-пристань Лозва оказался безъ надобности. Тамошній воевода и люди переведены въ новый, городъ-станцію Туринскъ, основанный (1600 г.) въ среднемъ теченіи р. Туры. Городъ построенъ собственно для ямщиковъ. Но сюда собрались и простые обыватели, сѣѣхавшіе изъ разныхъ уѣздовъ: Холмогорскаго, Важскаго, Устюжскаго, Сольвычегодскаго и другихъ сосѣднихъ мѣстъ. Вслѣдствіе переполненія острога ямщикамъ разрѣшено селиться за городомъ, гдѣ жилъ татарскій князь Еланча. Ямщики образовали особую пригородную слободу²⁾. Къ Верхотурью и Туринску приписаны вновь составленные уѣзды³⁾. Въ 1613 г. образовались слободы Тагильская и Мугальская, въ 1618 г.—слобода Табаринская на р. Тавдѣ при устьѣ р. Ченги, въ 1619 г.—Невьянская, при р. Нейвѣ⁴⁾. Къ 1620 году русская колонизация въ Сибири обнѣла громадное простран-

¹⁾ Миллеръ. Опис. Сиб. Цар., стр. 329—341. Древ. Рос. Вивліо. III, стр. 114; Геогр.—стат. Словарь И. Семенова, I, стр. 439—440.

²⁾ Древ. Рос. Вивліо. III, стр. 114; Миллеръ. Опис. Сиб. Цар. стр. 342—361.

³⁾ Миллеръ. Опис. Сиб. Цар., стр. 341. 291—362. Довольно обширный Верхотурскій уѣздъ по р. Турѣ граничилъ съ Тюменскимъ уѣздомъ. Всѣ сѣверные вогуличи, принесенные раньше къ г. Лозвѣ, отошли къ Верхотурью, но ближайшіе къ Шелыму остались въ округѣ послѣдняго. Къ югу Верхотурскій уѣздъ доходилъ до рр. Чусовой и Сылви. Вогуличи жившіе при р. Сылви и принадлежавшіе къ Чердыни, теперь отписаны къ Верхотурью. Туринскій уѣздъ составили области, лежавшія вверхѣ по р. Турѣ, но ближе къ Туринску. Въ 1605 г. туринскія волости, ближайшія къ Верхотурью, отошли къ Верхотурскому уѣзду и р. Тагилъ назначена уѣздной границей (тамъ же, стр. 364—465).

⁴⁾ Щегловъ. Хронологический перечень... стр. 71. 77.

ство. Московскія владѣнія отъ береговъ сѣвернаго океана по направленію къ югу дошли до устья Верхней Тунгузки, праваго притока Енисея, и верховьевъ р. Томи въ верхнемъ бассейнѣ Оби—это съ восточной стороны, съ юго-западной они остановились въ среднемъ теченіи р. Иртыша и низовьяхъ его притока Тобола. Рѣка Енисей по устье В. Тунгузки была восточной границей русскихъ сибирскихъ владѣній.

Русскія владѣнія росли необыкновенно быстро; одновременно съ ними росла территорія русской церкви. Но о качественномъ и количественномъ распространеніи христіанства въ Сибири нельзѧ говорить многаго. Несомнѣнно лишь одно, что тамъ, гдѣ не было и понятія о христіанствѣ, тамъ, гдѣ жили инородцы язычники и иновѣрцы съ приходомъ русскихъ людей явились монастыри, христіанскіе храмы, а если не храмы, то часовни и кресты. Общимъ правиломъ русскихъ поселенцевъ въ Сибири, говоритъ Словцовъ, было: гдѣ зимовье ясачное, тамъ и крестъ или впослѣдствіи часовня, гдѣ водвореніе крѣпостное, тамъ церковь и пушка, гдѣ городъ, тамъ правленіе воеводское, снарядъ огнестрѣльный и монастырь, кромѣ церкви¹⁾). Старинный русскій человѣкъ могъ не признавать правиль христіанской нравственности и жить распущенno; могъ пьянствовать, скверносоловить, блудить, быть жестокимъ деспотомъ въ семье и для подчиненныхъ, воровать изъ казеннаго сундука и снимать послѣдний рваный каftанъ съ захудалаго тѣглеца, но не могъ жить безъ храма; онъ не могъ опустить праздничнаго христіанскаго богослуженія. Храмъ для русскаго былъ такъ же необходимъ, какъ жилище для обывателя. По этому во всѣхъ городахъ и острогахъ съ самыми незначительными количествомъ военнаго гарнизона или сведенцевъ—обывателей при основаніи города строилась церковь, иногда не одна. Въ Тюмени въ самое короткое время построены четыре церкви: Спасская (1586 г.), Богородицкая (1600 г.), Борисоглѣбская (1601 г.) и Феодоровская (1610 г.), въ Тобольскѣ также четыре: Троицкая и Спасская (1587 г.), Вознесенская (1601 г.) и Никольская (1602 г.), въ Верхотурѣ—две: Троицкая (1598 г.), въ 1607 г. построена другая церковь, въ Пелымѣ (въ Таборахъ) Христорождественская съ

¹⁾ И. Словцовъ. Историч. обзор. Сибири, стр. 58. Соловьевъ. Ист. Рос. II, IX, 1352.

придѣломъ св. Николая (1592 г.); скоро построена была другая Михайловская съ придѣломъ св. пр. Иліи, въ Турицкѣ съ Епанчинской слободой—Борисоглѣбская (1600 г.). Были построены храмы въ Мангазеѣ, Березовѣ и Троицкѣ съ придѣломъ святителя Николая въ вотчинѣ крещеныхъ князей Олачевыхъ¹⁾). Монастыри извѣстны: Знаменскій (1578 г.), Зосимосаватьевскій (1601 г.) и Успенскій (1610 г.)—въ Тобольскѣ, Покровскѣ, Турицкѣ, и Никольскѣ, основанный въ 1604 г. монахомъ Юной изъ Пошенона, въ Верхотурьѣ, Рождественскій въ Тагилѣ, Верхотурскаго уѣзда, Введенскій на Нейвѣ и Преображенскій въ Тюмени, основанный въ 1616 г. монахомъ Нифонтомъ изъ Казани²⁾.

Постройка храмовъ и монастырей была единственнымъ средствомъ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ-магометанъ и язычниковъ. Но это очень важное средство оказывалось слабымъ въ странѣ, не имѣвшей настоящаго церковнаго юрисдикціоннаго устройства и самостоятельнаго епархиальнаго управлѣнія; тамъ даже монастырскіе храмы стояли безъ пѣнія. Христіанство, занесенное сюда русскими колонизаторами „служилыми людьми“, добровольными выходцами и „гулящими“, должно было возрастиать какъ-то само по себѣ, и росло, конечно, медленно и не такъ, какъ слѣдуетъ. Московское правительство, наблюдая чисто финансовые интересы, первѣе всего заботилось о гражданскомъ устройствѣ края и внушеніи покореннымъ вѣрноподданическихъ чувствъ. Культурно-просвѣтильные задачи и церковное устройство юной сибирской церкви отступали на второе мѣсто. Во всѣхъ городахъ и острогахъ сидѣли прославленные сибирскіе воеводы³⁾, совмѣшавшиѳ въ себѣ свѣтскую и церковную власть. Они доносили въ Москву о положеніи страны не только въ гражданскомъ, но и церковномъ отношеніи. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ воеводы являлись не епархиальными администраторами, а лишь посредниками между членами сибирской церкви и высшей церковно-правительственной властью. По ихъ донесеніямъ, или самостоятельно изъ Москвы дѣлались распоряженія ближай-

¹⁾ Древ. Рос. Вивл. III, стр. 107—108 116. Миллеръ. Опис. Сиб. Цар. 217. 234. 241—242. 359—360. Рус. Ист. Библ. II, №№ 68. 72.

²⁾ Вѣра и Разумъ 1896 г. т. II. Церков. отд., стр. 448.

³⁾ Древн. Рос. Вивлію. III, стр. 105—134.

шимъ архіерсамъ относительно церковныхъ дѣлъ далекой Сибири. Сохранилось единственное, но важное свидѣтельство заботливости московской власти о сибирской церкви. По указу Ивана IV-Грознаго Варлаамъ епископъ вологодскій и велико-пермскій (1578—1584 г.) послалъ въ Сибирь десять священниковъ съ семьями для христіанскаго богослуженія¹⁾. Въ 1611 г. сами сибирскіе воеводы писали Сильвестру архіепископу вологодскому, что въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ у многихъ приходскихъ церквей нѣтъ поповъ. Они просили прислать антиминсовъ и священниковъ, хоть 5—6²⁾.

Архіереи, ближайшіе къ Сибири, могли слать антиминсы и священниковъ за Ураль. Но слѣдить за развитіемъ церкви и укрѣпленіемъ христіанства въ самихъ русскихъ, только носившихъ имена христіанъ, ни вологодскіе, ни ростовскіе, ни казанскіе архіереи, при обширности своихъ епархій, не имѣли никакой возможности³⁾. Нечего говорить о бѣднякахъ

¹⁾ Карамзинъ. Исторія Госуд. Россійск. IX, гл. VI, стр. 235.

²⁾ Акт. до Юрид. Быт. II, № 192. Позже вологодскіе архіереи не переставали высылать священослужителей въ Сибирь. Въ числѣ старинныхъ документовъ домовотчинной казны Серапіона епископа вологодскаго и бѣлозерскаго (1753—1761 г.) сохранились три грамоты отъ 1635 г. 17 янв. о выборѣ въ архимандриты и протопопы въ Сибирь и Тобольскъ лицъ изъ Вологодской епархіи (Лѣтопис. Зан. Археогр. Ком. III, 110).

³⁾ Вопросъ объ епархиально-юрисдикціонной зависимости Сибири до учрежденія особой архіерейской кафедры въ Тобольскѣ (1620 г.)—спорный вопросъ. Есть мнѣніе, что она входила въ составъ патріаршій области и подлежала непосредственному вѣдѣнію патріарха (Странникъ 1865 г., авг., стр. 63. Прав. Обозр. 1866 г., авг., стр. 399). По мнѣнію П. Буцинскаго (Вѣра и Разумъ 1890 г. № 21, стр. 563) сибирскія владѣнія находились въ церковной зависимости отъ вологодской кафедры. П. Словцовъ—авторъ исторического обозрѣнія Сибири (стр. 46, кн. I) говоритъ, что государевы наказы, даванные воеводамъ до учрежденія архієпископской кафедры, были единственными предначертаніями тогдашняго благоустройства во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно прибавляясь къ словамъ Словцова г. Овчинниковъ—авторъ статьи «Сибирская Церковь до XVIII в.» (Вѣра и Разумъ 1896 г. II, стр. 568, отд. перк.), и въ церковномъ. Но думается, больше основаній соглашаться съ мнѣніемъ Буцинскаго. Дѣло въ томъ, что завоеваніе и заселеніе Сибири находится въ самой тѣсной связи съ колонизаторской дѣятельностью Строгановыхъ въ Пермскомъ краѣ, тѣсно примыкающей къ Сибири въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи. Пермь Великая вѣдалась вологодскимъ архі-

новокрещеныхъ инородцахъ и прозелитахъ христіанства, представленихъ произволу воеводъ и русскихъ некультурныхъ культурголовъ¹⁾.

Пока русская колонизация, а съ ней предѣлы церкви не переходили р. Оби и Иртыша, въ Москвѣ пытались обойтись при помощи сосѣднихъ архіереевъ, безъ учрежденія особой архіерейской каѳедры въ Сибири. Но по мѣрѣ того, какъ русскія владѣнія стали уходить все дальше и дальше въ глубь Сибири, когда ощущался крайній недостатокъ въ священникахъ и сибирская церковь внѣшне росла, а внутренне малилась, учрежденіе самостоятельной сибирской каѳедры становилось неизбѣжнымъ и прямо необходимымъ. Помимо того неудачная война съ Польшей и Швеціей, отодвинувшія московскую Русь отъ Запада, заставили ее обратить серьезное внимание на новую страну. Тутъ то русское правительство особенно ясно поняло, что для полныхъ успѣховъ русской государственности въ Сибири необходимо поднять религіозно-

премъ, носившимъ титулъ «и великопермскаго». Поэтому не случайно указомъ Грознаго велѣно вологодскому, а не другому архіерею, напр., ростовскому или казанскому, выслать священниковъ въ Сибирь. И послѣ въ силу прежней зависимости вологодскіе архіереи слали туда на службу своихъ священнослужителей. Въ 1620 году священникъ Троицкой церкви Иванъ по своему обѣщанію и по благословенію вологодскаго архіепископа Макарія заложилъ на старомъ городище—въ Тобольскѣ церковь во имя Софіи Премудрости Божіей. (Вѣра и Разумъ 1890 г. № 21, стр. 573). Ясно, что Тобольскъ по епархиальному управлѣнію принадлежалъ вологодскому архіерею до самого учрежденія Сибирской епархіи. Конечно вмѣстѣ съ главнымъ городомъ ему принадлежала и вся Сибирская церковь. Частная посылка священниковъ и дьяконовъ изъ Ростовской епархіи (Миллеръ. Описан. Сиб. Цар. стр. 234) даетъ возможность только предполагать, что рядомъ съ вологодскимъ архіереемъ на Сибирь могло простиратся іерархическое вліяніе ростовскаго владыки, имѣвшаго въ Перми Великой смѣсныя владѣнія съ областю вологодской каѳедры и распространявшаго свою власть на Строгановскія вотчины (Член. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1896 г. III, отд. V, 15—17). Конечно московская власть могла обходить власть вологодскаго архіерея, жившаго за тысячу verstъ отъ Сибирскихъ городовъ, и распоряжаться непосредственно чрезъ тѣхъ же воеводъ. Нѣчто подобное, какъ извѣстно, наблюдалось въ отношеніяхъ Москвы къ Астраханскому краю, принадлежавшему казанскому архіерею.

¹⁾ Собр. Госуд. Грам. и Догов. III, № 60.

нравственный уровень тамошнихъ населниковъ. Выполненіе столь высокой задачи было не по силамъ воеводамъ, злоупотреблявшимъ довѣріемъ къ нимъ. Ихъ самихъ нельзя было оставить безъ контроля. Къ государственнымъ интересамъ присоединялись, конечно, п чисто религіозныя задачи—просвѣтить инородцевъ истиной христіанства и укрѣпить въ нихъ нравственные начала жизни. Все это взятое вмѣстѣ побудило патріарха Филарета Никитича съ царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ избрать и поставить пастыря и учителя въ Сибирское царство въ лицѣ архіепископа. Выборъ палъ на архимандрита новгородского хутынского монастыря Кипріана (Старорусенкова). лично извѣстного самому царю. Онъ вызванъ былъ въ Москву и 8 сентября 1620 г. посвященъ въ санъ архіепископа сибирскаго и тобольскаго. При поставлѣніи и врученіи жезла патріархъ заповѣдалъ Кипріану достойно пасти словесное стадо, заботиться о чистотѣ нравовъ завоевателей и русскихъ пришельцевъ, обращать ко Христу идолопоклонниковъ и магометанъ, „да проповѣдь слова Божія ростетъ и множится“.

Въ началѣ 1621 г. Кипріанъ отправился въ Сибирь съ цѣлью штатомъ. Архіепископъ, выѣхавшій около 10 января, торжественно, но не безъ труда и приключеній, 19 іюня доѣхалъ до своего каѳедрального города Тобольска. По пріѣздѣ на мѣсто служенія онъ устроилъ соборную церковь во имя Софіи Премудрости Божіей, архіерейскій домъ и завѣль правильное хозяйство на пожалованныхъ ему земляхъ.

Епархіальная дѣятельность Кипріана началась еще до пріѣзда въ Тобольскъ. По пути въ Тобольскъ ему пришлось пробыть болѣе двухъ мѣсяцевъ въ первомъ сибирскомъ городѣ Верхотурѣ. Лишь только Кипріанъ вступилъ въ границы своей епархії, какъ къ нему посыпались разныя членитныя отъ городовъ и селъ: одни жаловались на отсутствіе храма; у другихъ храмъ былъ, не было священника и церковь стояла „безъ пѣнія“ года два или три; третьи жаловались, что у нихъ нѣтъ ладону, церковнаго вина, мура, свѣчей и всякаго другого „церковнаго строенія“, и что младенцы умираютъ безъ крещенія, большиe безъ покаянія и причащенія; хоронить и вѣнчать некому. Изъ Березова, Тары, Сургута, Томска, Кетскаго острога, Мангазеи и Нарыма били чломъ, что желающимъ не у кого и не где „посхимиться“; нѣтъ у нихъ ни черныхъ поповъ, ни монастырей. Невьянскіе и тагильскіе

крестьяне просили о присылкѣ бѣлыхъ поповъ. Кипріанъ, насколько могъ, старался удовлетворить просьбамъ. Труднѣе всего было назначать священниковъ. Годныхъ въ Сибири не имѣлось, а у самого владыки запасъ былъ не большой—всего три бѣлыхъ священника. Кипріанъ писалъ царю и патріарху, прося выслать ему священниковъ изъ Руси. Охотниковъ, конечно, находилось мало. Незавидное положеніе церковниковъ въ странѣ, не имѣвшей духовнаго представителя, страшило всѣхъ. Духовенство жаловалось на воеводъ, что они насильно брали поповъ „для письма и выдача государева пятинааго хлѣба“, когда приходское духовенство занято было уборкой своего хлѣба. Впослѣдствіи сами архіереи жаловались, что воеводы бьютъ бѣлыхъ поповъ батогами, сажаютъ въ тюрьмы, даже „отставливаютъ отъ церквей Божіихъ“.

Сибирскіе монастыри, построенные людьми неизвѣстными, не могли замѣнить приходскихъ храмовъ и были плохими разсадниками христіанства въ полузыбкой странѣ. Они сами доставили много хлопотъ новой епархиальной власти. Верхотурскій Николаевскій монастырь, гдѣ жило вмѣстѣ нѣсколько монаховъ и монахинь, не имѣлъ ни игумена, ни строителя. Храмъ за неимѣніемъ священника стоялъ „безъ пѣнія“. Кипріанъ назначилъ туда игумена и священника, построилъ за острогомъ новый Покровскій храмъ съ монастыремъ, куда вывелъ монахинь изъ Николаевскаго монастыря. Изъ Верхотурья же архіепископъ послалъ на р. Невью соловецкаго старца Серапіона съ чернымъ попомъ Христофоромъ, поручивъ имъ построить тамъ храмъ Преображенія Господня съ монастыремъ. Такъ возникъ (1622—1624 г.) новый сибирскій Невьянскій Богоявленскій монастырь, названный Богоявленскимъ потому, что храмъ, строившійся во имя Преображенія, освященъ во имя Богоявленія. Въ Рождественскій тагильскій монастырь Кипріанъ послалъ игумена и строителя, тоже сдѣлавъ по отношенію къ тюменскому Преображенскому монастырю; въ тобольскій Никольскій или Успенскій монастырь онъ послалъ архимандрита и строителя, въ Березовъ—въ старый возстановленный Воскресенскій монастырь послалъ игумена, въ старый Введенскій монастырь, находившійся въ Верхотурскомъ уѣз. при р. Нейвѣ, послалъ строителя и чернаго попа. Всѣ эти распоряженія и назначенія дѣлались пока изъ Верхотурья. По приѣздѣ во второй сибирскій городъ Туринскъ, Кипріанъ по-

ставилъ игумена въ тамошній Покровскій монастырь. Царь Михаилъ Феодоровичъ по его просьбѣ, насколько возможно, конечно не богато, обезпечилъ сибирскіе монастыри. Кипріанъ по приѣздѣ въ Тобольскъ нашелъ страшные безпорядки въ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ монахи и монахини жили вмѣстѣ и соблазнительно. Онъ основалъ въ нижней части города подъ горой новый монастырь во имя Знаменія Пресв. Богородицы, куда перевезъ старцевъ изъ Успенскаго монастыря. Въ Мангазеѣ Кипріану не удалось построить монастыря, хотя туда посланъ былъ архимандритъ Меѳодій со всякимъ церковнымъ строеніемъ.

Ясно, что въ Сибири хотя и были монастыри, но не походили на настоящіе монастыри. Уставное устройство ихъ обязано первому архіепископу, который не замедлилъ также разослать по городамъ своихъ боярскихъ дѣтей въ качествѣ десятильниковъ съ правомъ творить судъ и расправу по духовнымъ дѣламъ, какъ надъ городскимъ, такъ и надъ сельскимъ духовенствомъ. Но, кстати замѣтить, свѣтскіе представители архіерейской власти постоянно сталкивались и судились съ воеводами, привыкшими превышать свои права, такъ что при новыхъ порядкахъ на каждомъ шагу возникали и новые безпорядки. Тѣмъ не менѣе Кипріану принадлежитъ первоначальное епархиальное устройство сибирской церкви¹⁾.

Кипріанъ не затруднился дать внѣшнее устройство сибирскимъ монастырямъ: нужны были только люди и средства; еще проще было разослать приказныхъ десятильниковъ. Но очень мудрено и на первыхъ порахъ прямо невозможно было поднять низкій нравственный уровень сибирскихъ христіанъ—безразлично—воеводъ, монаховъ, бѣлага духовенства и простолюдиновъ старовѣровъ и новокрещеновъ.

Картина нравственного упадка тогдашнихъ сибирскихъ населенниковъ ужасна. Она ярко раскрыта въ посланіи патріарха Филарета Кипріану. Народъ пьянствовалъ, русскіе и новокре-

¹⁾ Подробнѣе объ открытии Сибирской епархіи, ея состояніи, устройствѣ, епархиальной дѣятельности архіепископа Кипріана см. статью И. Буцінскаго «Открытие Тобольской епархіи и первый тобольскій архіепископъ Кипріанъ», составленную по архивнымъ документамъ Сибир. Приказа, хранящимся въ Моск. Арх. Мин. Юстиції, главнымъ образомъ, по рукописи Денежнаго стола ти. № 11801 съ всевозможными отписками (Вѣра и Разумъ 1890 г. № 21 и 23).

щены жили съ некрещеными татарками, какъ съ женами. Попраны были самыя священные человѣческія права: неистовые и ослѣпленные страстями женились на своихъ матеряхъ, дочеряхъ и сестрахъ, чего не было у инородцевъ, не знаяшихъ Бога. Казаки отнимали у некрещеныхъ женъ и дѣвокъ, жили съ ними блудно: ни ихъ, ни дѣтей не крестили. Служилые люди часто закладывали своихъ женъ за деньги своей же братіи на время для блудной жизни, а бѣдныхъ вдовъ и дѣвицъ брали себѣ, отнимали женъ у работныхъ людей. При сборѣ ясака сборщики лихоимствовали и распутствовали. Воеводы изъ личной корысти не только потворствовали насильственнымъ бракамъ, но приказывали попамъ насильно совершать незаконные браки. Впрочемъ, послѣдніе и сами не старались удерживать отъ такихъ браковъ. Многіе мужья и жены въ болѣзни постригались, но, „оздоровѣвъ“, опять уходили въ міръ и жили блудно. Въ монастыряхъ жили зазорно. „Воистину“, удивленно писалъ п. Филаретъ, видѣвшій и въ Европейской Руси много дурного, „не точю христіане, но и человѣки чуже имъ наричатся: душа убо ихъ яко во гробѣ затворена и увы страшно слышаніе таковая дѣющихъ. Горе воистину слышащимъ таковая, паче же зрящимъ и не истязающимъ таковыхъ скверненія“. Въ послѣднихъ словахъ слышится упрекъ Кипріану, котораго п. Филаретъ дѣйствительно укорялъ въ нѣкоторой невнимательности къ пресѣченію ужасающіхъ безобразій и въ умалчиваніи¹⁾). Но Кипріанъ едва-ли намѣренно молчалъ. Онъ былъ занятъ внѣшнимъ устройствомъ епархіи, каѳедрального собора, своего дома и борьбой съ главнымъ воеводой Годуновымъ и своимъ штатомъ. Къ счастію архіепископъ задержался въ Верхотурье и успѣлъ привести въ порядокъ монастыри до серьезныхъ столковеній съ Годуновымъ. Могло и этого не быть.

Почти чрезъ 300 лѣтъ и по отрывочнымъ даннымъ мудренѣ судить о справедливости упрека Кипріану²⁾). Несо-

¹⁾ Собр. Госуд. Грам. и Догов. III, № 60. Грамота писана 1622 г. 11 февр.

²⁾ Проесв. Макарій полагаетъ, что грамота, любопытная по содержавшимся въ ней свѣдѣніямъ о тогдашнихъ нравахъ въ Сибири, едва-ли была справедлива по отношенію къ сибирскому архіепископу (Ист. Рус. Цер. XI, стр. 39). П. Буцинский выборъ Кипріана на Сибирскую епархію называетъ

мнѣино одно—сибирскому архіерею предстояла трудная задача. При открытии епархіи на него возлагались заботы о колонизаторскомъ распространеніи христіанства среди иновѣрцевъ, упорядоченіе управлениія краемъ и нравственное улучшеніе своей въ корѣ испорченной паству. Обширность новой епархіи увеличивала трудность дѣла.

Сибирская архіепископія, поставленная въ ряду первостепенныхъ русскихъ епархій, какъ видно изъ распоряженій Кипріана, обняла всѣ русскія сибирскія владѣнія отъ Урала до Енисея и отъ Ледовитаго океана почти до Алтая. Немногочисленные сибирскіе монастыри и церкви¹⁾ разбрасывались на цѣлыхъ сотни верстъ и находились въ тѣхъ мѣстахъ, где сидѣли самовольные воеводы и головы, не знаящіе грѣха. Понятно, не можетъ быть рѣчи о возможности архіерею лично следить за развитіемъ церковной жизни въ такой епархіи. Между тѣмъ русскія владѣнія необыкновенно быстро шли въ глубь Сибири, съ ними вмѣстѣ, вслѣдствіе колонизаторского распространенія христіанства, расширялись предѣлы его области.

II. Послѣ учрежденія епархіи колонизація пошла за Енисей и распространялась по теченіямъ рекъ. Къ концу

удачнымъ (Вѣр. и Раз. 1890 г. № 21 стр. 563 стр.). Но, какъ можно видѣть изъ нѣсколько позднихъ документовъ, относящихся ко времени управлениія Кипріана Новгородской епархіей, онъ былъ не совсѣмъ спокойный и безупречный человѣкъ въ качествѣ епархіального начальника. Впрочемъ, Кипріанъ въ бытность свою сибирскимъ архіереемъ, (1621—1624 гг.) могъ разстроить свои нервы, если только они имѣлись у старинныхъ людей. Если же Кипріанъ и на сибирской каѳедрѣ былъ такимъ, какимъ является на новгородской, то документъ «О неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ новгородскаго митрополита Кипріана» (1627—1634 гг.), найденный въ столбцахъ Моск. Арх. Мин. Юст. и напечатанный почтеннымъ архивистомъ А. Н. Зерцаловымъ, говоритъ не въ пользу первого сибирскаго архіерея.

¹⁾ До открытия Сибирской епархіи, какъ можно заключать изъ сохранившихся свѣдѣній о первыхъ сибирскихъ монастыряхъ, ихъ было до 8—10, а церквей болѣе 15. Авторъ статьи «Сибирская церковь до XVIII в.» (Вѣра и Разумъ 1896 г. II, церк. отд. стр. 448) говоритъ, что при Кипріанѣ число церквей увеличилось до 30, а монастырей было болѣе 12. Къ сожалѣнію, у автора цитата со ссылкой на Истор. Обозр. Сибири Словцова не вѣрна (I, 148).

столѣтія она достигла береговъ Камчатки. Отъ восточныхъ береговъ Енисея русскіе двинулись въ р. Лену и пошли двумя путями. Первый (сѣверный) путь шелъ отъ Туруханска по Нижней Тунгузкѣ на р. Чанъ, затѣмъ на р. Чаномъ на р. Вилюй и Вилюемъ къ среднему бассейну Лены. Второй (южный) путь шелъ отъ Енисейска по Верхней Тунгузкѣ къ верховьямъ Лены. Въ движениі первымъ путемъ заняты въ 1625 г. земли Тунгусовъ; къ 1630 году сѣверные колонизаторы достигли устья Вилюя, гдѣ скоро появляется Вилюйское зимовье, нынѣшній Вилюйскъ. Двигаясь по Нижней Тунгузкѣ, южные колонизаторы построили остроги Рыбинскій (1628 г.) и Илимскій (1630 г.), а затѣмъ Кутскимъ волокомъ перешли на Лену и основали Кутскій острогъ. На устьѣ Киренги они построили Никольскій острогъ, переименованный въ 1655 г. въ Киренскій. На Ленѣ сошлась сѣверная и южная колонизация. Между колонизаторами произошли споры и раздоры за право собирать ясакъ. Для прекращенія споровъ и колонизации края основанъ Якутскій острогъ (1632 г.), верстъ на 15 ниже теперешняго. Чрезъ 10 лѣтъ онъ перенесенъ на настоящее мѣсто. До 1638 г. Якутскъ зависѣлъ отъ Енисейска, съ 1638 г. сдѣлался самостоятельнымъ. Одновременно съ постройкой Якутска русскіе занимаютъ теченія рѣкъ Олекмы, Алдана и Амги. На устьѣ Олекмы въ Лену является Олекминскій острогъ (1635 г.). Продолжая движеніе по Ленѣ и дойдя до ея устья, русскіе направились къ р. Янѣ, Чандану и Индигиркѣ. Въ 1638—1639 гг. на Янѣ основанъ Верхоянскъ, на Чанданѣ зимовье. Въ это же самое время казаки, обитавшіе въ верховьяхъ Алдана, по рр. Юдомѣ и Маѣ достигаютъ Охотскаго моря. Къ 1642 г. наложенъ ясакъ на юагировъ, жившихъ по рр. Янѣ и Индигиркѣ, въ 1644 г. основано Нижне-Колымское Зимовье, а къ 1645 г. занято все теченіе рѣкъ Колымы и Пагича; въ 1648 году устроено зимовье на устьѣ Охоты, переименованное въ слѣдующемъ году въ Косой острожекъ, а впослѣдствіи—въ Охотокъ. Такимъ образомъ въ половинѣ XVII в. къ востоку русскіе добрались до Камчатки и утвердились на Охотскомъ морѣ.

Одновременно съ сѣверо-восточной колонизацией совершилось занятіе земель по южной границѣ. Въ 1628 г. основаны Красный Яръ (Красноярскъ) при устьѣ р. Мана въ Енисей и Канское Зимовье на р. Канѣ. Съ 1641 г. русскія

владѣнія начинаютъ придвигаться къ озеру Байкалу и р. Амуру. Въ самыхъ верховьяхъ Лены, выше Тутурскаго острога (осн. 1632 г.), выстроенъ Верхоленскій острогъ (1641 г.), а въ 1642 г. совершена первая экспедиція по Амуру. Но честь занятія Амура (1649—1650 гг.) принадлежитъ казацкому атаману Ерофею Хабарову¹⁾, и совершилось уже тогда, когда русскіе укрѣпились на восточной сторонѣ Байкала, построивъ остроги—Ангарскій (1647 г.), Баргузинскій (1648 г.), Верхне-Удинскій (1649 г.); въ 1654 г. построенъ Нерченскій, чрезъ 10 лѣтъ въ 1665 г. Селенгинскій. Первый острогъ на Амурѣ (Албазинскій) построенъ только въ 1651 г. На западной сторонѣ Байкала въ 1648 г. на р. Удѣ основанъ Покровскій городокъ, переименованный (1649 г.) въ Удинскій острожекъ, а съ 1664 г. названъ острогомъ. Въ верховьяхъ Ангары на Дьячемъ островѣ близъ устья Иркута въ 1652 г. основано Иркутское городище для сбора ясака съ бурятъ, кочевавшихъ по р. Иркуту; въ слѣдующемъ 1653 г. явился Балаганскій острогъ. Продолжалась и колонизація Амура. Въ 70 годахъ тамъ населено много слободъ, а на Зѣѣ, притокѣ Амура, построены остроги Верхо-Зейскій, Селимбаевскій и Дадонскій.

Въ пограничныхъ юго-западныхъ областяхъ Сибири—въ предѣлахъ нынѣшней Тобольской и Пермской губерній русскія владѣнія нѣсколько подвинулись къ югу. Тамъ на р. Исети въ 1650 г. основанъ Исетскій острогъ, въ 1662 г., Шадринскъ, на Ишимѣ въ 1663 г.—слобода Царево Городище (съ 1782 г. городъ Курганъ), на Иртышѣ Чернолуцкій острогъ. Въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Томской губерніи въ 1651 г. при слияніи рѣкъ Біи и Катуни построенъ Бійскій острогъ²⁾.

¹⁾ Доп. Акт. Ист. III, № 72. 95. 99—102.

²⁾ II. Щегловъ. Хронологич. перечень... стр. 84. 85. 87. 89. 93. 95. 97—98. 101. 105. 116. и др. Вѣра и Разумъ 1896 г. II, стр. 445—446. Церк. отд. Доп. Акт. Ист. III, № 15, 28. 93. 146. V, 8; II. Семеновъ. Геогр.—стат. Словарь, I, 433. 464; V, 753. 939. Объясн. къ ист. Атл. Замысловскаго, изд. 1887. стр. 90. 91. По официальнымъ документамъ постройка Бійска относится къ 1651 г. (Доп. Акт. Ист. III, 85), но у II. Семенова въ Словарѣ (I, 264) и у II. Щеглова въ хронолог. перечнѣ (стр. 157) годомъ основанія Бійской крѣпости считается 1709. Прекраснымъ пособіемъ для географическаго обзора Сибирской колонизаціи можетъ служить карта Сибири (1581—1886 г.) № 9 Ист. атл. Замыловскаго съ хронологическими показаніями..

Число сибирскихъ церквей увеличивалось соотвѣтственно увеличенію населенныхъ пунктовъ. Какъ прежде, такъ и теперь, гдѣ становился острогъ тамъ строилась и церковь, рѣже монастырь. При Кипріанѣ (1621—1623 г.) построены церкви въ Мангазеѣ, Устьилицкой слободѣ и въ новыхъ монастыряхъ, вѣроятно, въ Березовѣ, Сургутѣ, Нарымѣ, Кетскѣ и Тарѣ¹⁾. Второго сибирского архіепископа Макарія (1625—1635 гг.) называютъ усерднымъ строителемъ церквей. Съ достовѣрностью извѣстно, что при немъ построены, такъ называемая, сѣнная въ Тобольскѣ и церковь въ Якутскѣ. Въ его время были отправлены священнослужители въ село Каменное, Чубаровскую слободу, Красноярскій острогъ и др.; следовательно тамъ были церкви. При архіепископѣ Нектаріѣ (1636—1640) построены церкви въ с. Абалоекомъ, Якутскомъ острогѣ и основана Красноярская Каченская пустынь. Въ архіепископство Герасима (1640—1650 г.), прилагавшаго особое стараніе къ сооруженію новыхъ церквей и монастырей, онъ являются въ Енисейскѣ, въ Верхоленскомъ острогѣ, на р. Исети, въ Красноярскѣ, Кузнецкѣ и др. При Симеонѣ (1651—1664 гг.) строятся церкви въ Иркутскѣ, Слободѣ Служной, Турухансѣ, Ялумдовскѣ, Верхоленскѣ, Якутскѣ и монастыри: Междугорскій Ивановскій съ церковью, Кондинскій Троицкій, Томскій Алексѣевскій, Киренскій Троицкій съ двумя церквами и Якутскій Спасскій. При митрополитѣ Корнилѣ (1664—1677 гг.) основаны монастыри: въ Иркутскѣ Вознесенскій съ церковью и Знаменскій женскій, два монастыря на Амурѣ (на брусяномъ камѣ и на р. Кумарѣ) и церкви въ острогахъ: Масленскомъ, Устьміаскомъ, Красногорскомъ, въ слободахъ: Бешкильской, Терсютской, Ингалинской и въ селѣ Воскресенскомъ. Въ послѣдней четверти XVII в. стали строиться монастыри и церкви въ Даурскихъ острогахъ, за Байкаломъ, на Амурѣ, словомъ, вездѣ, куда проникла русская колонизация²⁾. По

¹⁾ Вѣра и Разумъ 1896 г. II, Церк. Отд. стр. 448—449. Изъ монастырей, получившихъ свое начало при Кипріанѣ извѣстны: Спасскій мужской въ Тарѣ, Успенскій въ Томскѣ, Рождественскій женскій въ Енисейскѣ, Покровскій въ Верхотурѣ, Никольскій въ Тулинскѣ и Ильинскій въ Тюмени (тамъ же).

²⁾ Свѣдѣнія о постепенной постройкѣ Сибирскихъ церквей и монастырей до XVIII в. трудолюбиво собраны г. Овчинниковымъ въ его статьѣ «Сибирская церковь до XVIII в.» (Вѣра и Разумъ 1896 г. II, отд. Церк. стр. 449—450).

богадѣленнымъ вѣдомостямъ 1683 года въ Сибирской и Тобольской епархіи числится 150 церквей¹⁾). Съ монастырскими ихъ несомнѣнно было больше.

Сибирская епархія за полстолѣтіе своего существованія успѣла раздвинуться отъ Ледовитаго океана до Киргизскихъ степей, Алтая, Байкала и Амура и отъ Урала до Великаго Океана. По своему пространству она превосходила всѣ когда-либо существовавшія русскія епархіи. Изъ 263,828 квадрат. миль русской территории, оставленной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ († 1675 г.) на долю Сибири приходилось приблизительно 185,000 кв. м.²⁾. На этомъ громадномъ пространствѣ разбрасывалось до 20 главнѣйшихъ воеводскихъ городовъ и остроговъ—именно: Тобольскѣ, Верхотурье, Тулинскѣ, Тюмень, Пелымъ, Тара, Березовѣ, Сургутѣ, Мангазея съ Турханскомъ, Томскѣ, Енисейскѣ, Красноярскѣ, Кузнецкѣ, Нарымѣ, Кетскѣ, на Ленѣ Якутскѣ, Илимскѣ, въ Даурахъ Нерчинскій острогъ³⁾.

Лишне говорить объ удобствахъ и трудности управлѣнія необыкновенно обширной Сибирской епархіей. Управлѣніе ею требовало отъ сибирскихъ архипастырей нечеловѣческихъ усилий. То, что по гражданскому вѣдомству поручалось цѣлымъ десяткамъ воеводъ, по церковному возлагалось на одного человѣка. Между тѣмъ наказы и инструкціи для дѣятельности сибирскихъ архіереевъ постоянно внушили важность и ответственность епископскаго служенія. Возлагая на сибирскаго архіепископа дѣло миссій, они требовали необыкновенной личной внимательности и осмотрительности при обращеніи и крещеніи инородцевъ. Требовалось приводить инородцевъ

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Патр. Каз. Прик. прих. кн. № 110, л. 858.

²⁾ Статистіческія данные вычислены по приблизительному опредѣленію всей русской территории и постепенного увеличенія ея со времени Грознаго до смерти Алексѣя Михайловича въ изслѣдованіи К. Арсеньева (Статистические очерки Россіи, стр. 38—42. 55—56).

³⁾ Древн. Рос. Вивлію. III, стр. 198—200. 208. Тутъ перечислены всѣ сибирскіе воеводы Тобольскаго и Томскаго разрядовъ, сидѣвшіе на воеводствахъ въ 1665 году. Ср. Акт. Ист. IV, № 104; Доп. Акт. Ист. XI, № 100. Въ числѣ главныхъ сибирскихъ городовъ начала второй половины XVII в. называется Обдорскѣ, но онъ не значится воеводскимъ городомъ въ III т. Древ. Рос. Вивліюонки, где перечисляются Сибирскія воеводства ст. 1583 г.

и крестить съ любовью. Но прежде необходимо было расположить ихъ къ христіанству. Для этого рекомендовалось приглашать ихъ къ архіепископскому двору, бесѣдовать съ ними, угощать, давать платье и защищать отъ произвола воеводъ¹⁾). Приглашать, примѣрно изъ Якутска въ Тобольскъ, и слѣдить что дѣлаетъ съ инородцами новокрещенами, наприм., нерчинскій воевода! Оттуда могли доноситься только слухи. Отѣбѣтомъ на слухи были лишь посланія сибирскихъ владыкъ. Посланія эти можно было читать, но не выполнять, не видѣвши ни разу самого писавшаго. Въ 1653 г. архіеписк. Симеонъ писалъ на Лену въ Якутскій острогъ: „слухъ до насъ дошелъ, что живутъ у васъ на Ленѣ, забывъ страхъ Божій и часъ смертный, не помня страшнаго трепетнаго и грознаго суда Христова... творятъ пагубное и беззаконное, скверное и нечистое блужденіе и таково блужденіе, яко ниже въ невѣрныхъ языцѣхъ именуется: морять и мечутъ отъ себя прочь прижитыхъ незаконныхъ дѣтей“. Много позже въ 1683 г. м. Павелъ писалъ на Селенгу: „даурскіе многіе люди живутъ не христіански, съ некрещеными иноземками блудно беззаконно робятъ приживаются и, приживъ съ ними, тѣхъ иноземокъ продаютъ и себѣ для блуднаго дѣла иныхъ некрещеныхъ иноземокъ покупаютъ“²⁾). Картина тождественная съ картиной, нарисованной въ грамотѣ п. Филарета Кипріану 60 лѣтъ тому назадъ. И она общая.

Духовенство падало необыкновенно низко съ высоты своего призванія. Монашество позабывало свои обѣты. Среди мірянъ, начиная съ воеводъ и кончая „всякаго чина людьми“, господствовали страсти и пороки—отъ браніи, драки, пьянства и воровства до насилий надъ женщиной и противоестественнаго разврата съ пребеззаконнымъ содомскимъ житіемъ³⁾.

¹⁾ Ивановъ. Опис. Госуд. Арх. Стар. Дѣлъ стр. 265. Память архіеписк. Макарію.

²⁾ Древнія церковныя грамоты восточно-сибирского края, собранныя архим. Мелетиемъ, № 1, стр. 3, № 9, стр. 12.

³⁾ Вотъ грустные факты. Селенгинскій бѣглый попъ Андроникъ безъ архіерейскаго разрѣшенія переходитъ съ мяста на място и безчинно совершаєтъ всѣ требы (Древн. цер. гр. № 19, 1689 г.). Попъ Димитрій Родіоновъ, всегда былъ пьянь, прихожанъ бранилъ и безчестилъ всячески, билъ своими руками до крови (тамъ же № 77.). После открытия епархіи въ 1626 г. былъ

Внутренняя нравственная испорченность—старая болѣзнь Сибири. Во второй половинѣ XVII в. новая болѣзнь охватила сибирское населеніе—это расколъ. Ярый представитель расколоучителей протопопъ Аввакумъ, сосланный въ Сибирь (1656 г.), добровольно и во время долгихъ перѣездовъ въ качествѣ этапнаго ссыльного въ продолженіе почти десяти лѣтъ успѣлъ побывать почти во всѣхъ концахъ Сибири до Дауріи включительно и насадить тамъ сѣмена раскола. Аввакумъ, по собственному его выраженію, во всѣхъ городахъ и селахъ, где ему приходилось остановиться, съ дерзновенiemъ кричалъ, уча народъ и обличая ересь Никоніанскую¹⁾). Ученики Аввакума съ успѣхомъ распространяли расколъ. Они привили его къ народу такъ сильно, что увлеченные, воображая наступившее царствование антихриста, начали массами предаваться сожженію²⁾). Нужна была необыкновенная внимательность по

исключительный случай. Попъ Яковъ оставленный въ Верхотурѣ за найденное у него «воровское коренье» зарѣзалъ до смерти строителя Никольскаго монастыря, где проживалъ (Рус. Ист. Бобл. VIII, № 11, VIII, стр. 358—362). Монахъ Корнилъ страстный игрокъ въ зернь, посаженный въ тюрьму, бѣжалъ оттуда и съ иѣскољкими женщинами отправился въ Россію (Вѣра и Разумъ 1891 г. № 7, стр. 419). На игумена Киренской пустыни Варлаама жаловались, что онъ жилъ неистово и неблагочинно, пилъ, бражничалъ непрестанно, въ пьяномъ видѣ билъ подчиненныхъ и вкладчиковъ, такъ что отъ его мучительства монастырскіе насельники разбѣжались. Помимо того былъ корыстолюбивъ (Древ. Цер. Гр. Вост. Сиб. кр. № 49). Якутскій воевода Головинъ, по вынужденному оговору новокрещена Ивашки остыка, захватывалъ якутовъ, пытали ихъ, жегъ огнемъ, сажали въ тюрьму, морили до смерти. Напавши на улусъ якутскаго князька Камыка, сжегъ его съ улусными людьми, женами и дѣтьми, всего до 100 человѣкъ (Доп. Акт. Ист. III, № 5, 1645 г.). Головинъ жестоко обращался со всѣми; сажалъ въ тюрьмы священнослужителей безъ вины (тамъ же II, № 101). Енисейскій воевода Голохвастовъ для своихъ пожитковъ отдавалъ на откупъ зернь и корчму, безмужныхъ женъ на блудъ, заставлялъ ихъ наговаривать на проѣзжихъ, оговоренныхъ сажалъ въ тюрьму, бралъ съ нихъ по сороку и по два соболей, а съ другихъ деньгами рублей по 30—40 и больше, курилъ для себя вино и былъ чистымъ разорителемъ (Акт. Ист. IV, № 182). Для характеристики мірянъ достаточно грамоты архіепис. Симеона (Древ. цер. гр. № 1); объ архіерейскихъ чиновникахъ рѣчъ впереди.

¹⁾ Материалъ для Истор. Раск. V, стр. 57.

²⁾ Соловьевъ. Истор. Рос. III, XIII стр. 869. Ср. Доп. Акт. Ист. VIII, № 50, стр. 219 и др., тутъ 5 актовъ отъ 1679 г., относящихся къ расколу въ Сибири; X, № 3,—24 акта.

отношению къ раскольническимъ движениамъ и усиленная дѣятельность церковной епархіи въ обширной и почти дикой странѣ.

Правительство не упускало изъ вниманія Сибирской церкви и епархіи. Епархія не оставалась вдовствующей по смерти или послѣ перевода сибирского архіерея, потому что изъ Москвы тотчасъ назначали новаго. Но московское назначеніе въ дѣйствительное епархиальное управление сибирского архіерея далеко не совпадали. Иногда проходили годы въ стolичныхъ задержкахъ и переѣздахъ, пока новый владыка приѣдетъ въ Тобольскъ и вступитъ въ управление епархіей. До его приѣзда епархія оставалась безъ архіерея. Извѣстно напр., что архіепископъ Макарій умеръ 24 іюня 1635 г., а погребенъ 31 мая 1636 г. (чрезъ 10 мѣсяцівъ), такъ какъ его преемникъ прибылъ въ Тобольскъ только 1 апр. Другой сибирскій ерхіепископъ Герасимъ скончался 16 іюня 1650 г., а погребенъ почти чрезъ два года 13 мая 1652 г. преемникомъ Симеономъ, вѣроятно, только что приѣхавшимъ¹⁾.

Приѣзжалъ архіерей, но онъ не могъ знать всего и удовлетворить духовныя нужды своей епархіи. Стоило большого труда подыскать кандидатовъ и замѣстить окраинныя свободныя священническія мѣста. Изъ Тобольска неѣхали на край свѣта, а съ Байкала, Дауріи, береговъ Охотскаго моря и Ледовитаго океана неѣхали за посвященіемъ въ Тобольскъ. Поэтому попы—бродяги, вродѣ Андronика, встрѣчали радушный приемъ. Довѣренные, чрезъ которыхъ архіереи дѣйствовали въ отдаленныхъ частяхъ своей епархіи, не могли помочь горю. Дѣло миссіи также страдало. Правительство понимало положеніе сибирского архіерея и приѣзжало къ посредничеству воеводъ. Въ наказахъ воеводамъ прописывалось: „кто изъ ясачныхъ людей захочетъ креститься своею волею, тѣхъ велѣть крестить, сыскавъ про нихъ допряма, своею ли волею хотятъ креститца²⁾.“

Сибирская епархія существовала уже давно, но лишь одна, на десятки тысячъ кв. миль; поэтому воеводы по ста-

¹⁾ Древ. Рос. Вивліоика III стр. 155. 178.

²⁾ Доп. Акт. Ист. IV, № 46 ср. № 209; Русск. Ист. Библіот. VIII, № 10, XXIII. Такъ писалось при м. Корниліѣ якутскому воеводѣ, гдѣ раньше отличался воевода Головинъ.

ринѣ являемъ не только въ званіи миссіонеровъ, но и съ обязанностями блюстителей нравственности и церковнаго порядка. Въ 1649 г. верхотурскій воевода послалъ память приказчику Ирбитской слободы (осн. 1663 г.) Григорію Барыбину строго наблюдать, чтобы служилые люди и крестьяне въ воскресные и праздничные дни ходили въ церковь, удерживались отъ чародѣйства и пьянства, не заводили непристойныхъ игращъ¹⁾. Тобольскій воевода бояринъ Петръ Шереметьевъ въ 1677 г. послалъ отрядъ войска захватить раскольничьяго вожака монаха Даніила съ братией, но воеводскіе миссіонеры вместо пустыни на р. Березовкѣ, Тоб. уѣз., гдѣ жили раскольники, нашли только кучи пепла. Даніилъ съ единомышленниками ночью сожглись въ избахъ. Голосъ приказчика Мехонской слободы, пытавшагося уговорить раскольниковъ, былъ слабъ, сравнительно съ голосомъ раскольничьяго дѣячка расщопа Ивана Феодорова. Изувѣры тоже сожглись²⁾. Ясно, что миссіонерство и поддержка церковныхъ порядковъ были неподходящимъ дѣломъ для воеводъ. Это, впрочемъ, сознала правительственная власть, хотя сравнительно поздно. До Большаго Московскаго собора 1666—1667 г. не заговаривали объ открытии новыхъ епархій въ Сибири.

На соборѣ 1667 г. помимо общаго умственного и нравственного упадка не только среди паству, но и среди пастырей, рѣзко отмѣтили слабость, по мѣстамъ полное отсутствіе миссіонерской дѣятельности среди язычниковъ и инородцевъ, остатки язычества среди самихъ русскихъ и необыкновенно быстрое распространеніе раскола. Все это было особенно приложимо къ Сибири и, конечно, послужило побужденіемъ поговорить объ открытии въ ней двухъ новыхъ епархій: въ Томскѣ и на Ленѣ. Въ Томскѣ предполагалось даже архіепископство, на Ленѣ епископство съ преименованіемъ Сибирской архіепископіи въ митрополію³⁾. Послѣднее выполнено, но открытия новыхъ епархій въ Сибири не послѣдовало. По этому вопросу снова заговорили на соборѣ 1681—1682 гг. Читатель помнить

¹⁾ Акт. Ист. IV, № 35.

²⁾ Соловьевъ Ист. Рос. III, стр. 869.

³⁾ Материалъ для истор. раск. II, 380; Дополн. Акт. Ист. V, № 102. Акт. Арх. Эксп. IV, № 155.

что писалъ царь Феодоръ Алексѣевичъ въ своихъ преположеніяхъ собору. Онъ писалъ: въ сибирской странѣ отъ столичнаго города той епархіи до Даурскихъ, Нерчинскихъ и Албазинскихъ остроговъ и до иныхъ имъ подобныхъ мѣстъ съ трудомъ доходятъ въ одинъ, въ полтора и два года. Между тѣмъ въ тѣхъ дальнихъ мѣстахъ христіанская вѣра не расширяется, а развратники святой церкви умножаются... за неимѣніемъ себѣ возраненія за разстояніемъ дальнимъ. Тамъ творятся такія безобразія, о которыхъ потонку писать невозможно. Поэтому необходимо (пристойно) въ обширнѣйшую Сибирскую епархію для искорененія непотребствъ прибавить архіереевъ. Царское слово, какъ извѣстно, сопровождалось необыкновенно обширнымъ проектомъ епархіального переустройства русской церкви, въ частности Сибири. Въ цѣляхъ скорѣйшаго искорененія непотребствъ въ Сибири, задумали ее раздѣлить такъ, чтобы епархія владѣнія своего больше двухъ сортъ верстъ не имѣла, иными словами, учредить архіерейскія каѳедры не только въ городахъ и острогахъ, но и во всѣхъ сибирскихъ слободахъ. Проектъ неосуществимый. Впрочемъ, этотъ пунктъ вычеркнули еще въ черновомъ предложеніи¹⁾ и вместо того указали определенныя мѣста, гдѣ считалось необходимымъ учредить архіерейскія каѳедры. Первоначально предполагалось открыть епископія въ Верхотурѣ, на Тюменѣ, въ Томскѣ, въ Енисейскѣ, на Ленѣ и въ Даурахъ²⁾. Во второмъ сокращенномъ предложеніи отъ 27 ноября 1681 г. число сибирскихъ епископій уменьшено до 3. Оставлены лишь въ Томскѣ, Енисейскѣ и на Ленѣ, затѣмъ еще уменьшено и оставлены двѣ въ Томскѣ и на Ленѣ или въ Томскѣ и Енисейскѣ; наконецъ только въ Енисейскѣ съ городами пригородами и острожками. Отцы собора, рассматривавшіе царскія предложения, въ частности по отношенію къ Сибири, первоначально соглашались открыть въ ней лишь двѣ новыхъ епархіи въ Томскѣ и Енисейскѣ, а въ дальние города на Лену и въ Дауры изъ новыхъ епархій послать архимандритовъ, игуменовъ, добрыхъ учителныхъ священниковъ учить закону Божию и просвѣщать невѣрныхъ. Епископамъ съ особыми епархіями

тамъ быть неудобно „малолюдства ради христіанскаго народа“, къ слову прибавить, обязаннаго содержать своего архіерея. Состоятельныхъ монастырей тамъ не было, а городовъ слишкомъ мало и тѣ очень бѣдны. Челобитчики вполнѣ справедливо замѣтили о малолюдствѣ христіанскаго народа въ Сибири, съ которымъ дѣйствительно „всякаго довольства архіерейскаго чина исполнити“ было не можно. Но это малолюдство и должно было являться главнымъ побужденіемъ къ открытію сибирскихъ епархій; довольство, т. е. содержаніе, царь могъ пожаловать изъ своей государевой казны, какъ писалось во второмъ предложеніи. Но лишнихъ денегъ на это великое дѣло въ казнѣ, къ сожалѣнію, не оказалось. Болѣе чѣмъ скромный результатъ проекта объ открытіи новыхъ епархій на соборѣ 1681—1682 гг. уже извѣстенъ¹⁾. Въ Сибири не открыли ни

¹⁾ По поводу проекта объ открытіи новыхъ епархій въ Сибири необходимо замѣтить слѣдующее. Если въ Европейской Руси по малоградности и недостатку мѣстныхъ средствъ содержанія проектируемыхъ архіерейскихъ домовъ оказалось невозможнымъ открыть столько епархій, сколько ихъ требовалось, то въ Сибири при крайней ограниченности мѣстныхъ средствъ сибирскихъ церковныхъ учрежденій, бѣдности всей страны и ничтожности тамошнихъ, подчасъ разоренныхъ, городковъ дѣло оказывалось въ худшихъ условіяхъ, и безъ царской казны никакъ нельзя было обойтись. Сибирскіе городки, развалившіеся чуть не при самой постройкѣ, населенные всяkimъ сбродомъ, и уѣзды ихъ постоянно разорялись инородцами, даже самими русскими. Они и не въ состояніи были обеспечить мѣстной архіерейской каѳедры. Въ 1651 г. татары разорили Исетскій городокъ (Доп. Акт. Ист. № 90), въ слѣдующемъ году монгольскій царь Алтынъ напалъ на Тубинскую волость Красноярскаго воеводства (тамъ же, № 108); въ 1663 г. остатки и самѣдѣ покушались разграбить Березовъ (тамъ же, IV, № 126). Въ 1665 г. киргизы напали на Красноярскій и Томскій уѣзды. Красноярскіе уѣздные жители забились въ городъ, а деревни запустѣли. Тоже было въ 1667 г. (тамъ же, V, №№ 43). При движениі русскаго населенія въ глубь Сибири и распространеніи его по окраинамъ шли постоянныя войны, ложившіяся тяжелымъ бременемъ на жителей (тамъ же, VIII, т. II, 1678—1682. всего 25 актовъ). Пожарное разореніе чувствовалось и въ Сибири, Русскіе сибирскіе города горѣли не хуже европейскихъ. Въ 1677 г. Тобольскъ сгорѣлъ безъ остатку. Пришлося собирать деньги на его постройку (тамъ же, VII, № 38). Иногда жители сами оставляли остроги и расходились врозь (тамъ же, V, №№ 56, 60). Все это несомнѣнно сказывалось вообще на средствахъ бѣдной страны, въ частности тамошняго тягловаго духовенства, жившаго при данныхъ церквяхъ и обязаннаго содержать мѣстнаго архіерея съ его штатомъ. Средства церковныхъ учрежденій сибирскаго

²⁾ Арх. Мин. Иностр. Дѣл. Дух. Рос. Дѣла 6 февр. 1680—1682. г.

О томъ же см. впереди стр. 323, 334, 338, 341, 361, и др. На страницѣ 322 въ росписи проектируемыхъ епархій въ Сибири по первому предложению по недосмотру пропущено «въ Енисейскѣ въ Спасскомъ монастырѣ».

одной епархии. Съ миссионерской цѣлью въ Даурахъ основанъ (1682 г.) одинъ Троицкій монастырь въ Селенгинскѣ¹⁾). Тамошнemu игумену въ 1687 г. передана въ управлениe вся десятина, состоящая изъ даурскихъ остроговъ. До этого времени ею завѣдывалъ боярскій сынъ Алексѣй Бѣляевъ. Бѣляевъ злоупотреблялъ архіерейскимъ довѣріемъ и не высылалъ никакихъ сборныхъ денегъ въ софійскую казну съ 1682 по 1686 годъ.

Закащику духовныхъ дѣлъ игумену Феодосію поручено вѣдать церковные догматы и духовныя дѣла въ даурскихъ острогахъ: Селенгинскѣ, Иркутскѣ, Арбузинскомъ, (Баргузинскомъ?) Нерчинскомъ, Албазинскомъ, Теленбинскомъ, Удинскомъ (Верхнеудинскѣ), Илимскомъ, Братскомъ и въ Николаевской замкѣ съ уѣздами. Помимо охраненія догматовъ Феодосію давались очень широкія права духовнаго суда надъ чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ и всяkimъ чиномъ мирскихъ людей, разбирать всякия человѣческія и по винѣ смирять, кто чего достоинъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ писать въ Тобольскѣ. Сборъ судныхъ пошлинь и архіерейской дани, веденіе приходныхъ книгъ, наблюденіе за нравственностью духовенства, воспитаніемъ дѣтей духовныхъ, право облагать церкви данью и т. п. возлагались также на Феодосія. Канцелярія его составлялась изъ причетниковъ и разсыльного деньщика²⁾. Чрезъ годъ въ 1689 г. Верхоленскій острогъ и село Бирюльское съ уѣздами по близости приписаны изъ Якутской десятины въ Даурскую и переданы въ управлениe

архіерейского дома и монастырей, не отличавшихся особыніемъ богатствомъ, скорѣе отличавшихся своимъ убожествомъ, особенно сократились со времени царскихъ запрещеній пріобрѣтать собственность. Напр., въ 1678 г. дана царская грамота кузнецкому воеводѣ запрещать сибирскимъ митрополитамъ и монастырямъ покупать и брать на оброкъ деревни, земли и угодья, или принимать ихъ отъ владѣльцевъ въ качествѣ вкладовъ или въ залогъ (Акт. Ист. IV, № 32). Раньше того, въ 1647 г. вышло распоряженіе «всѣхъ, кто живетъ въ Сибири на посадахъ за архіепископомъ и за монастырями въ закладахъ устроить за государями въ посадахъ» (Доп. Акт. Ист. III, № 14. стр. 66—68). Приходилось налагать на оставшихся крестьянъ и конечно бывали случаи, что отъ большихъ налоговъ церковные крестьяне сами бѣжали, и не только новыми архіереями, но и старому не при чемъ было жить.

¹⁾ Дополн. Акт. Ист. VIII, № 91.

²⁾ Древн. церк. грам. вост.-сиб. края № 13. Ср. № 62.

Феодосію. Братскій острогъ и Спасскій монастырь съ уѣздами по близости къ Илимскому острогу изъ Даурской десятины поступили въ Якутскую и отданы въ управлениe якутскому десятильнику боярскому сыпу Ивану Захарову, завѣдывавшему Ленской областью¹⁾). Такъ было не долго. Тутъ вышла ошибка при распределеніи городовъ по десятинамъ. 20 ноября 1695 г. особой грамотой или наказомъ м. Игнатія Якутской десятину ошибочно составили изъ остроговъ: Якутска, Илимска, на Киренгѣ, Братскаго, Верхоленскаго и села Бирюльскаго, поручивъ блюсти церковные догматы и тамошняя духовныя дѣла архіерейскому боярскому сыну Василію Аврамову. О перечисленіи городовъ успѣли дать знать селенгинскому закащику Троицкому игумену; ему вѣрѣно передать денежныя книги и нерѣшенныя дѣла по Верхоленскому острогу и селу Бирюльскому якутскому десятильнику, когда тотъ пріѣдетъ въ Иркутскую десятину²⁾). Ошибка, оказывается, заключалась въ томъ, что Брацкій и Верхоленскій острогъ съ селомъ Бирюльскимъ одновременно были отданы двумъ десятильникамъ якутскому и иркутскому Ивану Толстоухову³⁾). Странная ошибка повторилась въ наказѣ новому якутскому десятильнику Ивану Маслову, назначенному на мѣсто Аврамьева. 15 октября 1697 г. ошибку замѣтили и отписали Маслову, чтобы онъ не вѣдалъ Брацкаго и Верхоленскаго остроговъ съ селомъ Бирюльскимъ, а вѣдалъ ихъ иркутскому десятильнику Толстоухову⁴⁾). Изъ приведенныхъ фактовъ можно заключать, что вмѣсто спархій въ Даурахъ и на Ленѣ образовались двѣ десятины съ нѣсколькими заказами.

¹⁾ Тамъ же, № 20. 21. 29.

²⁾ Тамъ же, № 48. Нужно полагать, что Киренскъ и сосѣднія мѣста составляли особый заказъ въ вѣдѣніе закащица игумена Троицкаго Усть-Киренскаго монастыря Варлаама. Варлаамъ въ 1695 г. попалъ подъ судъ. Одновременно съ слѣдствіемъ надъ Варлаамомъ (20 ноября 1695 г.) его заказъ поступилъ въ вѣдѣніе якутскаго десятильника (тамъ же, № 41. 48. 49. Ср. 63. 67).

³⁾ Толстоухову вѣрѣно вѣдать церковные догматы и духовныя дѣла въ Иркутскомъ, Нерчинскомъ, Селенгинскомъ острогахъ съ уѣздами, въ Братскомъ, Балаганскомъ и въ Верхоленскомъ съ селомъ Бирюльскимъ и въ Баргузинскомъ острогѣ. видимо Даурская десятина перенесена въ Иркутскую (тамъ же, № 64) съ Селенгинскимъ заказомъ (№№ 68, 69 и др.).

⁴⁾ Тамъ же, № 64.

Въ 1698 г. Илимскъ и Киренскъ съ уѣздами выдѣлены изъ Якутской десятины. Они отданы особому закащику духовныхъ дѣлъ іеромонаху Киренскаго Троицкаго монастыря Григорію Тушину съ правомъ вѣдать церковные догматы и имѣть духовный судъ вмѣстѣ съ выборнымъ поповскимъ старостой. Они же обязывались собирать софійскія казенные деньги, вместо нерадиваго якутскаго десятильника Ивана Маслова¹⁾.

Отдаленные юго-западныя области въ верховьяхъ Лены отошли отъ Якутской десятины. Но къ ней, вѣроятно, присоединены новыя самыя сѣверо-восточныя области, занятыя русскими въ послѣднюю четверть XVII в. до Камчатки включительно.

Пятидесятникъ Атласовъ и казакъ Морозко съ 60 казаками и 60 юкагирами въ 1697 г. изъ Анадыра отправились по направлению къ Камчаткѣ. Тамъ они взяли 3 острожка или деревни, а затѣмъ, раздѣлившись на двѣ половины, одни пошли по восточной другіе по западной сторонѣ полуострова. Въ верховьяхъ р. Камчатки обѣ половины сошлись и основали Верхокамчатское ясачное зимовье (нынѣ заштатный городъ Приморской области²⁾).

Въ то время, какъ русскіе завладѣли сѣверо-восточными берегами Великаго океана и двигались къ Курильскимъ островамъ, имъ пришлось уступить пріамурскія земли. Китайцамъ не нравилось, что казаки подходили къ ихъ границамъ и селились на Амурѣ, построивъ Албазинскій острогъ. Обитатели небесной имперіи сначала предупреждали албазинскаго воеводу Алексея Талбузина, чтобы онъ уходилъ въ Нерчинскъ. Воевода не послушался. Въ 1685 году 12 іюля явились китайскія войска. Началась война неудачная для русскихъ. Послѣ долгихъ переговоровъ о границахъ, по Нерчинскому договору 1689 г., китайско-русской границей назначены р. Горбица, впадающая въ Шилку и рѣка Аргунь, притокъ Амура. Правая сторона осталась за Россіей, лѣвая за Китаемъ. Восточнѣе граница шла по горамъ мимо верховьевъ притоковъ р. Зеи-Гилюя и Брянда и самой Зеи а затѣмъ поворачивала

¹⁾ Древн. Церк. Грам. № 65. 67. Въ началѣ XVIII в. Якутская и Киренская десятины соединены подъ властью якутскаго архимандрита Иларiona (тамъ же, № 124. 126).

²⁾ И. Щегловъ. Хронолог. перечень, стр. 141.

южнѣе и, обойдя верховья Уда, направлялась къ Шартомскимъ островамъ. Бассейнъ Зеи и ея притоковъ остался за Китаемъ, бассейнъ Уда за Русью. Албазинскую крѣпость срыли¹⁾.

Но война и Нерчинскій договоръ стъ опредѣленіемъ русско-китайской границы не только не сократили, напротивъ расширили территорію сибирской церкви. Китайцы плѣнили изъ Албазина православнаго священника Максима Леонтьева. Плѣнникъ явился первымъ миссионеромъ въ Пекинѣ. Русскіе торговцы, завязавшіе сношенія съ Китаемъ поддержали православіе. Въ 1694 г. прикащикъ купцовъ Филатьевыхъ Василій Лобановъ съ товарищами всего каравана былъ чelomъ сибирскому м. Игнатію, чтобы онъ позволилъ священнику Леонтьеву освятить храмъ, полученный русскими отъ самого Богдыхана, а также прислалъ антиминсъ и муру съ необходимыми церковными богослужебными принадлежностями, такъ чтобы въ китайскомъ храмѣ совершалось православное богослуженіе. Игнатій въ слѣдующемъ же году исполнилъ просьбу, снесшись предварительно съ московскими царями и п. Адрианомъ²⁾.

Виніусъ, которому порученъ былъ Сибирскій приказъ, въ 1698 г. писаль Петру за границу, что въ Пекинѣ построена русская церковь и что многіе китайцы крестились. Петръ отвѣчалъ: „то дѣло зѣло изрядно. Только для Бога поступайте въ томъ опасно и нешибко, дабы китайскихъ начальниковъ не привести въ злобу, а также езуитовъ, которые тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ. Кчему тамъ надобны попы не такъ ученые, какъ разумные и подкладные, дабы черезъ нѣкоторое киченіе оное святое дѣло не произошло въ злѣйшее паденіе, како учинилось въ Елані (Японії)“. Очевидно, что Игнатій въ Пекинѣ не оставилъ храма, а въ Елані (Японії) оставилъ храмъ.

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. III, XIV стр., 1027—1034.

²⁾ Древн. церк. грам. вост.-сиб. края, № 59. Игнатій въ своей грамотѣ священнику Леонтьеву даетъ наставленія, какъ освящать храмъ и, между прочимъ, на ектеніи поминать Богдыхана, но послѣ прошеній за русскихъ государей, произносить ее на китайскомъ языке, иначе китайцы не поймутъ. Антиминсъ, муру, книги, масло и всякия церковные потребы посланы были изъ Тобольска съ соборнымъ дьякономъ Лаврентіемъ. Митрополитъ писалъ особую грамоту селенгинскому закащику игумену Троицкаго монастыря Мисаилу, чтобы онъ далъ дьякону Лаврентію на дорогу и содержание 10 руб. (Акт. Ист. V № 243).

видно, православіє къ концу вѣка проникало даже въ Японію. Виніусъ распорядился, чтобы у русскихъ китайскихъ торгашей въ Нерчинскѣ узнавать все о состояніи православія въ Пекинѣ, о самой церкви-часовнѣ, обѣ отнoшeніи китайцевъ къ православію, каковы ионы и въ какомъ искуствѣ живутъ. Кажется, хотѣлось узнать покладисты-ли они. Спрашивали о количествѣ русскихъ въ Китаѣ и есть-ли крещеные китайцы¹⁾.

Нельзя не видѣть, что влияние сибирского архіерея въ Китаѣ оказывалось слишкомъ слабымъ, если совсѣмъ не уничтожалось распоряженіями Сибирскаго Приказа въ главѣ съ пѣмцемъ Виніусомъ. Миссіонерское дѣло, порученое покладистымъ пошамъ, поддерживалось доносами. Впрочемъ, у единственнаго сибирскаго митрополита находилось много дѣла въ своей епархїи. Онъ по прежнему затруднялся назначать священниковъ къ сибирскимъ церквамъ и задерживалъ постройку послѣднихъ. Жители Якутска, когда ихъ соборная Троицкая церковь, стоявшая въ 5 саженяхъ отъ рѣки, почти развалилась, рѣшились построить новую. Стали писать въ Тобольскъ м. Павлу. Писали четыре года (1680—1683 гг.), но отвѣта не было. Докладчики стали жаловаться царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ. Въ 1684 г. жители Амгинской волости тоже жаловались царямъ на м. Павла, неприылавшаго имъ священника. Давнишніе русскіе поселенцы на Амгѣ вмѣстѣ съ новокрещенами якутами построили церковь во имя Спаса, но она стояла безъ священника и безъ пѣнія, такъ что ревность и труды амгинцевъ оказались напрасными. Требуя священника, чelobitчики въ своей жалобѣ обычно припѣвали, что умершіе лежатъ у нихъ при часовнѣ безъ погребенія, роженицы остаются безъ молитвъ, младенцы безъ крещенія, взрослые безъ покаянія и причащенія²⁾. Очень возможно.

Надежныхъ помощниковъ по епархиальному управлению у сибирскихъ митрополитовъ не было. Боярская дѣти, которымъ ввѣрялось охраненіе догматовъ и всякия духовныя дѣла съ софійской казной, были сплошные воры и безобразники. Достаточно прочитать царскую грамоту столънику воеводѣ.

1) С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи, III, XIV стр. 1223.

2) Допол. Акт. Истор. X, № 75, XI, № 95.

Глѣбову въ Енисейскъ 1697 года, чтобы понять, что это были за люди. Архіерейскія боярскія дѣти—въ должностіи десятильниковъ чинили разореніе и обиды, заставляли дѣвицъ и вдовъ кляузничать и наговаривать на добрыхъ людей блудное воровство, раздѣвали дѣвицъ до нага и давили у нихъ до крови груди и чинили всякое ругательство, принуждая несчастныхъ выходить замужъ за негодяевъ, и за свою недостойную комиссию брали деньги¹⁾). Такая же грамота въ 1698 г. пришла верхотурскому воеводѣ Протасьеву²⁾. Обоимъ воеводамъ, быть можетъ получшимъ десятильниковъ, предписывается слѣдить за архіерейскими боярскими дѣтьми. Одновременно м. Игнатію послана грамота назначать десятильниками людей духовнаго чина. Но царь и патріархъ не увѣрены были, что духовныя лица будутъ достойными помощниками сибирскаго архіерея³⁾). Такія сомнѣнія высказывались относительно енисейскаго духовенства, жившаго сравнительно близко къ Тобольску. Нечего говорить объ окраинахъ, куда мудрено было подыскать мало-мальски годнаго приходскаго священника. Сибирскій владыка остался одинокъ. Между тѣмъ его епархїя разрослась до необычайнѣйшихъ размѣровъ. Она въ началу XVIII в. занимала пространство ок. 300,000 квадр. миль⁴⁾, гдѣ разбросано было 160 церквей⁵⁾. М. Игнатію (1692—1700 г.) съ вершины Урала приходилось смотрѣть на берега Ледовитаго и Великаго океановъ, окидывая своимъ взоромъ и вершины Алтая. Онъ смотрѣлъ и, конечно, ничего не могъ разглядѣть. Этотъ образованный и ревностный архипастырь своего времени въ Сибири надорвалъ свои послѣднія силы. Вызванный въ Москву въ 1700 г. онъ сошелъ съ ума „отъ безсонницы великой“. „Яко-ли мало сна пріемлетъ и пищу еду ясть, или отъ чего иного, повредися въ умѣ“, доносилъ патріархъ Адріанъ царю Петру 16 марта 1700 г.⁶⁾. Несомнѣнно, что ревнитель православія и впечатлительный іерархъ еще въ Си-

1) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. III, № 1601.

2) Акт. Истор. V, № 273.

3) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. III, № 1601.

4) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. X, стр. 7.

5) Пол. С. Зак. Р. Им. III, 1541.

6) Устряловъ. Исторія царствованія Петра I, т. III, прил. VII, № 60. 66, стр. 536. 539.

бири на своей непосильной службѣ потерялъ сонъ, аппетитъ и голову, чувствуя, что на пространствѣ 300,000 кв. м. вѣренной ему епархіи кипитъ сплошное зло. Нужны были лучшіе люди помочь ослабѣвшему въ борьбѣ со зломъ, но ихъ не было. Слались въ Сибирь не люди, а лишь наказы, чтобы все было хорошо, и придумывались странныя мѣры для православной миссіи въ Китаѣ. При такихъ условіяхъ нравственно тяжелой службы сибирского архіерея мудрено было не сойти съ ума!

Конецъ первого тома.

ОТЪ АВТОРА.

Книга съ заглавіемъ „Русскія епархіи въ XVI—XIX вв.,“ предлагаемая благосклонному вниманію читателя, представляетъ собой половинный трудъ предпринятаго опыта церковно-исторического, статистического и географического изслѣдованія о русскихъ епархіяхъ. Соответственно подзаглавію первый томъ изслѣдованія обнимаетъ два (XVI—XVII) вѣка изъ исторіи епархиального устройства русской церкви. Но это хронологическое подраздѣленіе немного не точно. Для ясности дѣла авторъ иногда уходилъ въ глубокую старину и значительно отступаетъ отъ подзаглавной хронологической даты. Онъ болѣе или менѣе обстоятельно говоритъ о началѣ епархій, возникшихъ даже въ XII—XIII вв., напр., Рязанской, Тверской, Сарайской и другихъ. Думается, что допущенное отступленіе не вызоветъ особыхъ недоумѣній со стороны читателя. Незаконченность изслѣдованія, а слѣдовательно и несоответствие заглавія содержанію выпущенной книги, несомнѣнно вызоветъ непріятное удивленіе. Но этотъ чисто временный недостатокъ легко устранился по выходѣ второго тома изслѣдованія, имѣющаго обнять собой XVIII—XIX вв., для составленія котораго авторъ располагаетъ вполнѣ достаточными материалами и данными, извлеченными и собранными въ столичныхъ архивахъ,